

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный ВѢСТНИКЪ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный Вѣстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Английскомъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ; 1-го и 15-го ст. ст.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ	3 дол. [6 рублей]
На полъ года	1 дол. 50 цент. [3 рубля]
На 4 мѣсяца	1 дол. [2 р.]
Отдѣльные номера	по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year	\$3.00
Six months	\$1.50
Four months	\$1.00
Single numbers	15¢

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ГОДЪ V. — N 5-й. — NEW YORK, 323 SECOND AVENUE — 1 — 14 Марта 1901

Должно научать другъ друга добродѣтели.

Не все возлагайте на учителей, не все на вождей. Можете и вы одинъ другого пользоваться, какъ и Апостоль, пиша къ Солунянамъ, говорить: другъ друга создайте, якоже и творите (1. Сол. 5, 11), и еще: утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ (—4, 18). Это и мы завѣщаемъ вамъ нынѣ. Если захотите, то больше нежели мы, другъ друга исправить можете. Вы больше времени другъ съ другомъ находите; больше, нежели мы, знаете состояніе одинъ другого; недостатки другихъ намъ небезызвѣстны, и вы больше имѣете у нихъ и доступа, и любви, и привычки, а все это не мало важно для наученія, но много облегчаетъ трудъ. Потому вы способны насъ и запретить имъ, и умолить ихъ. И не посему только, а и потому, что я (пастырь) одинъ, а васъ много, и вы можете, сколько васъ ни есть, быть учителями. Итакъ молю, не пренебрегайте сего дара-

нія. Всякій имѣть жену, имѣть друга, имѣть слугу, имѣть сосѣда: пусть тому запретить, того исправить. Ибо какъ не постыдно, что мы для пищи дѣлаемъ учрежденія и пиршества, и для общаго собранія назначаемъ день, а для наученія добродѣтели ничего не дѣлаемъ! Поистинѣ, прошу, никто да не нерадитъ о семъ; ибо мзду приметъ отъ Бога многую.

„Но я не имѣю, скажешь, дара слова“. Да вѣтъ и нужды въ краснорѣчіи. Если увидишь друга, предающагося разврату, скажи ему: худо ты поступаешь; не стыдно ли? не совѣстно ли? Это дѣло худое.—„Но онъ, скажешь, развѣ не знаетъ, что худо?“ Конечно, знаетъ, но увлекается страстію. И больные знаютъ, что холодное питье вредно; однако имъ нужно запрещеніе отъ другихъ. Человѣкъ страждущій не скоро можетъ помочь себѣ въ болѣзни; а потому и нуженъ ему, ты, здоровый, для его уврачеванія. Когда же онъ не послушаетъ слова твоего, ступай въ слѣдъ его и удержи; можетъ быть онъ устыдится.

Не желай все исправить вдругъ (ибо это невозможно), но исправляй тихо и понемногу. Если увидишь его идущаго на невоздержаніе и пиршество пьянственное, и здѣсь поступай также. Притомъ попроси и его, чтобы онъ, если увидитъ въ тебѣ какой либо порокъ, также пользовалъ и исправлялъ тебя. Ибо такимъ образомъ лучше стерпитъ онъ твое обличеніе, когда узнаетъ, что и тебѣ самому нужно обличеніе, и что ты помогаешь ему не какъ строгій исправитель и не какъ учитель, а какъ другъ и братъ. Скажи ему: вотъ я едѣлалъ, тебѣ напомниманіе для твоей пользы: и ты когда увидишь во мнѣ какой порокъ, удержи и исправь меня. Увидишь ли, на примѣръ, меня во гнѣвѣ или въ корыстолюбіи, удержи своимъ увѣщаніемъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ дружество! Такъ братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ будемъ (Притч. 18, 19). Не въ яствахъ и питіи состоитъ дружество;—такое дружество есть и у разбойниковъ и человѣкоубійць;—но, если мы по истинѣ друзья, если точно печемся другъ о другѣ, въ семъ (т. е. въ дѣлѣ спасенія) да помогаемъ другъ другу: сіе вводитъ насъ въ полезное дружество; это не допускаетъ идти въ геенну.—Итакъ ты обличаемый не негодуй; ибо мы всѣ человѣки и имѣемъ погрѣшности. Ты же обличающій не обличай такъ, какъ бы ты насмѣхался или укорялъ, или позорилъ, а дѣлай сіе наединѣ, съ кротостію. Великую кротость нужно имѣть обличающему, чтобы такимъ образомъ склонить брата претерпѣть (врачебное) рѣзаніе!—Все употреби, дабы обличеніе было полезно, и все потерпи, взирая на награду лежащую. Другъ друга, говоритъ Апостоль, тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ (Галат. 6, 2).

(Изъ Твореній Св. Іоанна Златоустаго).

П О К О Й .

Есть покой тѣлесный, какъ видимъ; есть покой и душевный. Тѣло упокоевается, когда по пути, или по трудахъ почиваетъ: такъ душа упокоевается, когда въ чистой и непорочной совѣсти почиваетъ, и отъ ней ни въ чемъ не смущается. Се есть пресладкій душевный покой! Сладко упокоевается тѣло, когда по трудахъ почиваетъ: въ пресладкомъ покоѣ находится и душа, когда чистую и непорочную имѣетъ совѣсть. Имѣетъ свое безпокойствіе тѣло, имѣетъ и душа. Тѣло лишается покоя, когда находится въ трудахъ: душа лишается покоя, когда ее злая беспокоитъ совѣсть. Душевный покой отнимается всякимъ грѣхомъ и беззаконіемъ. У блудника и прелюбодѣи и у всякаго нечистоты любителя не можетъ быть покой душевный; у злобнаго, мстителя и убійцы не можетъ быть покой душевный; у вора, хищника, грабителя и мздоимца судіи не можетъ быть покой душевный; у клеветника, ругателя и злорѣчиваго не можетъ быть покой душевный; у лживаго и обманщика не можетъ быть покой душевный. Словомъ: у всякаго грѣшника, который законъ Божій разоряетъ, не можетъ быть покой душевный. Ибо разоряя законъ Божій, разоряетъ и покой совѣсти, и раздражаетъ ее, которая обличаетъ и терзаетъ душу согрѣшившую. Что бо законъ Божій говоритъ, тое говоритъ и совѣсть; и въ чемъ законъ Божій обличаетъ человѣка, въ томъ обличаетъ и совѣсть. Грѣшитъ ли убо человѣкъ противу закона Божія: грѣшитъ и противу совѣсти, и раздражаетъ ее. Дѣлается ли что противу совѣсти: дѣлается и противу закона Божія. Откуда бываетъ, что когда богобоящійся человѣкъ и совѣсть свою чистую хранить тщащійся въ чемъ проступится и согрѣшитъ, тотчасъ совѣсть его ударитъ и душу его возмутитъ; и ее безпокойствуетъ дотолѣ, доколѣ поканіемъ, воздыханіемъ и сокрушеніемъ сердца не очиститъ грѣхъ:

и тако покой душевный паки возвратится. И хотя и у людей беззаконно живущихъ совѣсть до времени молчитъ и аки спитъ; но когда пробудится и грѣхи и беззаконія своя содѣланная въ ней увидитъ; тогда сильно на нихъ встанетъ и начнетъ мучить ихъ и терзать; и такъ смущать, что отчаянію склоняются, а часто сами себе и умерщвляютъ: не стерпя мучительства совѣсти, какъ то случилось Іудѣ, предателю Господню. *И повергъ сребренники въ церкви, отъиде, и шедъ удавися* (Матѣ. 27, 5). Сего ради людемъ беззаконующимъ, чтобы покой душевный имѣть, должно отъ грѣховъ обратиться къ Богу, и совѣсть свою грѣхами замаранную поканіемъ очистить, и раздраженную усмирить: и тако покой и тишина душевная возвратится къ нимъ. Безъ того бо покоя имѣть никакъ не могутъ, какъ бы совѣсть свою ни утѣшали; и опасно, чтобы отъ временнаго сего безпокойствія къ вѣчному безпокойствію не прійти, гдѣ совѣсть души согрѣшившей всегда будетъ грѣхи представлять, и воспоминаніемъ ихъ мучить ее и терзать. Сей есть плодъ грѣха! Сладокъ грѣхъ людемъ, но плодъ его горекъ: *оброцы бо грѣха смерть* (Рим. 6, 23). Тщится отнять покой душевный у людей благочестивыхъ сатана всякимъ и различнымъ *искушеніемъ* и злыми помыслами, когда ихъ старается въ грѣхъ привести, и тако совѣсть ихъ раздражитъ и обезпокоитъ. О, возлюбленне! берегись сего злаго шепотника, да не потеряши покой душевный. Сколько разъ чувствуешь злое какое помышленіе, возникающее въ сердцѣ твоемъ: знай точно, что тогда приступилъ врагъ къ душѣ твоей, и даетъ ей злый совѣтъ свой, яко Евѣ змій. Духъ отъ запаха познается. Злый духъ, злый и запахъ издаетъ. Чувствуешь злый запахъ, знай точно, что тутъ и злый духъ, который мерзкую свою и смрадную воню изрыгаетъ. Отгоняй убо отъ себе злый сей запахъ,

да и злаго духа отженеши. *Повинитесь убо Богу, противитесь же диаволу, и блжжитъ отъ васъ* (Лак. 4, 7) Не попускай душѣ твоей слушати долго шептанія тою, да не, яко змій Еву, прельститъ тебе; но тотъ часъ, какъ только слышиши злый совѣтъ его, отвращайся его и обращайся ко всеильному Иисусу, заступнику и Спасителю твоему, и молись Ему, да поможетъ тебѣ въ подвигъ твою. Скученъ и труденъ подвигъ сей: но преславная тому послѣдуетъ побѣда. Подвизаемся мы, и не уступаемъ врагу; но помогаетъ намъ и побѣждаетъ въ насъ Иисусъ Христосъ, смерти и ада Побѣдитель. Тому благодареніе и слава! *Благослови душе моя Господа* (Псал. 102, 1). *Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе: Сей мой Богъ и прослаблю Его* (Исх. 15, 2). Сколько разъ противимся врагу нашему и отражаетъ злыя совѣты его, столько разъ побѣждаемъ и посрамляемъ его; сколько разъ побѣждаемъ его, столько разъ возвеселяемъ Ангеловъ святыхъ и прославляемъ Бога и Отца нашего, Иже на небесахъ. Аще убо злый врагъ приступаетъ къ те-

бѣ, и слышиши злый совѣтъ его: тотчасъ ободришь и стань, яко воинъ Христовъ; и помяни, яко Богъ видитъ все, и смотритъ на тебе, и ожидаетъ подвига твоего, и хочетъ помощи тебѣ. И сколько разъ вступаешь въ подвигъ противу врага своего и побѣждаешь его, столько разъ вѣнчаетъ тебе Подвигположникъ Иисусъ, и радуются святіи Ангели Его о тебѣ. *Радость бо бываетъ предъ ангелами Божиими о грѣшникъ кающемся* (Луки 15, 10). Ибо и подвигъ сей, подвигъ противу діавола и грѣха къ истинному покаянью надлежитъ. Истинно бо кающійся противу всякаго грѣха и того изобрѣтателя — діавола подвизается. Сего ради стой въ подвигѣ своемъ, и не уступай врагу твоему, да не посмѣется тебѣ, но паче да посрамится. Христосъ Господь съ престола славы Своея смотритъ на подвигъ твой, и готовитъ тебѣ вѣчной славы вѣнецъ; смотрятъ и святіи Ангели на тебе, и радуются о подвигѣ твою. Христосъ и Господь глаголетъ тебѣ: *буди вѣренъ до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10).

(Изъ Твореній Св. Тихона Задонскаго).

Основные задачи и характеръ православно-русскаго инородческаго миссіонерства. Западное инославное миссіонерство.

The Main Problems and the character of the Russian Orthodox Foreign Mission Work. Western Non-Orthodox Mission Work.

I.

« Души ваши нужны... Христосъ скорбитъ и ищетъ душъ вашихъ ради царствія Своего небеснаго.

Такъ отвѣчалъ одинъ православный миссіонеръ-священникъ изъ инородцевъ на вопросъ своихъ сородичей-язычниковъ, къ которымъ онъ пришелъ съ проповѣдію христіанства, что ему нужно. Въ этихъ немногихъ и простыхъ словахъ весьма точно охарактеризована самая сущность православно-русскаго инородческаго миссіо-

I.

„Your souls are wanted... Christ grieves and seeks your soul for His Kingdom of Heaven”.

This was the answer that an Orthodox missionary—an ordained priest belonging to an alien race,—gave to his heathen brethren, among whom he had come to preach Christianity, and who asked him what he wanted. These few simple words contain the exact definition of what makes the very essence of our Orthodox foreign Missions’

нерства. Наша инородческая миссія есть миссія духовная. Она имѣетъ въ виду духовную жизнь инородца-язычника, его духовное просвѣщеніе и совершенствованіе.

Эта задача указана христіанской Церкви Ея Божественнымъ Основателемъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Онъ, по воскресеніи явившись ученикамъ Своимъ, сказалъ имъ: «идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари» (Мрк. 16, 15). Въ чемъ же заключалось это „евангеліе“, или та „благая вѣсть“, которую апостолы должны были возвѣстить всему міру?—Она заключалась въ проповѣданіи того, что «приблизилось (къ людямъ, т. е. стало доступно имъ) Царство Небесное» (Матѳ. 10, 7), ибо *Сынъ Божій пришелъ (на землю) и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ въ истинномъ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ»* (I Иоан. 5, 20) и «насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ, воскресилъ и посадилъ на небесахъ» (Еф. 2, 5 и 6);—и поэтому мы должны «отложить прежній образъ жизни ветхаго чело-вѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и обновиться духомъ ума и облечься въ новаго чело-вѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины» (Еф. 4, 22-24). «Вотъ (то) благовѣстіе, говоритъ св. апостоль Иоаннъ, которое мы слышали отъ Него (Иисуса Христа) и возвѣщаемъ вамъ» (I Иоан. 1, 5), и которое составляетъ сущность миссіонерской дѣятельности Православной русской Церкви.

Въ такомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ просвѣщенія язычниковъ чрезъ возвѣщеніе имъ истины спасенія во Христѣ Иисусѣ, понимали основную цѣль миссіонерства наши святые и великіе благовѣстники. „Если мы искренно вѣруемъ въ Сына Божія Иисуса Христа, говоритъ пресвоятѣйшій алтайскій миссіонеръ, архимандритъ Макарій (Глухаревъ), то, какъ

work: it is purely spiritual. It addresses itself to the spiritual side of heathen man; aims at his enlightenment and improvement.

This task was ordained for the Christian Church by its Divine Founder, our Lord Jesus Christ. When He appeared to His disciples after His resurrection, He said to them „Go ye into all the world and preach the Gospel to every creature” (Mark XVI, 15). In what, then, did this Gospel consist,—this „evangel” or „good news”,—which the Apostles were to announce to every creature? It consisted in preaching that „the Kingdom of Heaven was at hand” (Matth. X, 7),—i. e. within men’s reach, for that „the Son of God is come” (to earth) „and hath given us an understanding, that we may know Him that is true, and we are in Him that is true, even in His Son Jesus Christ” (I John 5, 20); and „even when we were dead in sins, God hath quickened us, and raised us up, and made us sit in heavenly places” (Eph. II, 5-6); and therefore we must „put off the former conversation, the old man, which is corrupt according to the deceitful lusts, and be renewed in the spirit of our mind, and put on the new man, which after God is created in righteousness and true holiness” (Ephes. IV, 22-24). „This” says the Apostle John, „is the message which we have heard of Him” (Jesus Christ) „and declare unto you” (I John 1, 5), and this makes the substance of the missionary work of the Russian Orthodox Church.

It is precisely in this sense—the sense of enlightening the heathens, by declaring to them the truths of salvation in Christ Jesus—that our great and holy preachers understood the main object of missionary work. „If we do sincerely believe in the Son of God, Jesus Christ”, writes our illustrious missionary of the Altai region, Archimandrite Macarius (Glukhariof), „then, as the

св. апостоль утверждаетъ, *въ насъ должны быть тѣ же чувстваванія, какія и во Христѣ Иисусѣ*. Сердце же Иисусово преисполнено милосердія къ заблуждающимся, въ которомъ исполненное челоуколюбія и премудрости долготерпѣніе соединяется съ пламеннымъ... желаніемъ, чтобы всѣ челоуки, которыхъ Отець Его далъ Ему, познали истину, и чтобы истина освободила ихъ отъ предразсудковъ, страстей и суевѣрій, чтобы они познали *единого истиннаго Бога и посланнаго Имъ Иисуса Христа* и въ семъ познаніи обрѣли *вѣчную жизнь, святую, блаженную жизнь, принадлежащую челоукамъ, сотвореннымъ по образу Божію, потерянную ими въ грѣхопадєніяхъ и заблужденіяхъ, но возвращенную и даруемую грѣшникамъ благостію Бога Отца, посредствомъ Единороднаго Сына Его Иисуса Христа, силою и дѣйствіемъ Св. Духа въ вѣрующихъ*". Отсюда понятно, что если христіанская Церковь, въ Россіи есть Церковь Апостольская, то содѣлаться и явиться таковою для толикихъ народовъ, не знающихъ Иисуса Христа (язычниковъ, могометанъ и евреевъ), есть священнѣйшій подвигъ и вѣнецъ чести, который ей принадлежитъ: *просвѣтитъ сіи народы, сидящіе во тьмѣ и тѣни смерти, впрою во Иисуса Христа, есть высокое назначеніе народа русскаго; и племена сіи преданы ему Провидѣніемъ для того, чтобы онъ предалъ имъ тотъ-же даръ Божій, который самому ему преданъ отъ народа, предварившаго насъ въ Царствіи Божіемъ*.

Такими чувстваваніями, такимъ искреннимъ желаніемъ просвѣтитъ темныхъ язычниковъ и спасти ихъ заблудшія души, были преисполнены всѣ святые благовѣстники земли русской, выступая на дѣло проповѣди.

Для осуществленія такой высокой цѣли, какъ спасеніе язычниковъ, наша иноподческая духовная миссія пользовалась и доселѣ пользуется такими же вы-

holy apostle affirms, *„we must have within us the same feelings as are in Christ Jesus”*. And the heart of Jesus is superabundant with mercy to the erring; in His heart long-suffering, filled with love to men and wisdom, unites with the ardent... wish that all men, whom His Father hath given Him, may learn to know the truth, and that the truth may deliver them from prejudice, passions, and superstitions, so they may learn to know *the One true God and Jesus Christ sent by Him*, and in this knowledge find life eternal—the holy, blessed life which is for men that were created in the likeness of God, lost by them in sins and errors, but restored to them and given to sinners by the mercy of God the Father, through the mediation of His only-begotten Son Jesus Christ, by the power and action of the Holy Ghost in them that do believe". Hence it is plain that, if the Christian Church in Russia is the Church Apostolic, then to become known as such to so many peoples which know not Christ, (heathens, Mohammedans and Jews), is the most sacred labor and crown of honor belonging to her: *to bring to these races, now sitting in the darkness and shadow of death, the light of faith in Jesus Christ is the exalted mission of the Russian people; and these races were given to it by Providence that it may transmit to them the same divine gift that it received from a people that preceded us in the Kingdom of God*.

It is by such feelings, such a sincere desire to *illumine* the dark-souled heathens, and to *save* those erring brethren, that all those sainted preachers were animated, who went forth from our native Russia to take the missionary field. To achieve this lofty aim, our foreign missions now, as always before, employ only lofty and purely spiritual means. Mindful of the Savior's command, they invariably strive to draw

сокими и чисто духовными средствами.— По заповѣди Спасителя она старается всегда убѣдить язычниковъ войти въ Церковь Христову (Лук. 14, 23).—Такъ должно быть и по существу дѣла. Вѣра принадлежитъ внутреннему человѣку; той или иной вѣры человѣкъ держится по сердечному влеченію къ ней. Слѣдовательно, для того, чтобы человѣкъ могъ перемѣнить одну вѣру на другую, надобно его переубѣдить, привести его въ такое духовное состояніе, чтобы онъ охладѣлъ къ прежней и почувствовалъ сердечное влеченіе къ предлагаемой ему новой вѣрѣ. Для этого нужно произвести непосредственное воздѣйствіе на внутреннюю природу язычника, чтобы въ немъ самомъ, внутри его, началась „брань” съ его-же собственной злой волей и привела его къ сознанию своего самообольщенія, своихъ заблужденій, дабы онъ *принялъ предлагаемую истину не по вѣн давленію внѣшняго авторитета, а прямо по внутренней необходимости принять ее.*—Отсюда — личная благочестивая жизнь миссіонеровъ, ихъ слезы объ „окаменѣніи” людскихъ сердецъ, ихъ любовь, вразумленія, увѣщанія, смиренная проповѣдь и т. п.—вотъ тѣ средства, какія всегда принимаетъ наша духовная миссія къ „обращенію” язычниковъ и махомеданъ. „Обращеніе къ вѣрѣ Христовой, говоритъ Н. И. Ильминскій, есть внутреннее перерожденіе, которое дѣлается и зарождается въ глубинѣ сердца, а не въ разсудочной области; для этого требуется духовная сила” *)... Всѣ же другія средства, не имѣющія такого чисто духовнаго характера, наша инородческая миссія отрицаетъ, какъ не достигающія своей цѣли и не согласныя съ основными принципами Православія. „Ревнуйте объ истинѣ Христовой, о спасеніи ближ-

heathens into the Church by *persuasion* (Luke XIV, 23). This is as it should be in the very nature of things. Faith is a thing of the inner man; a man holds this or that faith because he feels attracted towards it in his heart. Consequently, in order that a man may exchange one faith for another, he must be led to *change his conviction*, must be brought into a spiritual attitude in which he shall feel a cooling towards the old and a warming towards the new faith that is proffered him. For this it is necessary to act directly upon the heathen's inner nature, in order that within him, in his own soul, may begin the warfare against his own wicked will and he may be brought thereby to realize his own self-deception, his own errors, *so he may accept the truth which is offered him not under the pressure of external authority, but directly from inner necessity.* It follows that the missionaries' own pious lives, their tears shed for the „stoniness” of men's hearts, their charity, their exhortations, their arguments, their humble preaching—these are the means which our missions invariably employ for the conversion of heathens and Mohammedans. „Conversion to the faith of Christ”, writes N. I. Ilminsky, „is an internal new birth,—regeneration,—which begins and is accomplished in the depths of the heart, not in the province of the reasoning faculty; and for this spiritual force is needed” *)... All other means, destitute of this purely spiritual character, are rejected by our missions, as unfit to achieve their purpose and not in accordance with the fundamental principles of Orthodoxy. „Work zealously for Christ's truth, for the salvation of your neighbors”, says the Rt. Rev. Macarius, Metropolitan

*) Письма Н. И. Ильминскаго къ Оберъ-Прокурору Св. Синода, Константину Петровичу Побѣдоносцеву. Казань, 1898 г. Стр. 223—224.

*) See letters of N. I. Ilminsky to the High Procurator of the Most Holy Synod C. P. Pobiedonostsef. Kazan, 1868, pp. 223—224.

нихъ, говорить Высокопреосвященный Макарий, Митрополитъ Московскій; но помните, что Православіе есть чистѣйшій свѣтъ и отнюдь не должно распространяться путями тьмы. Употребляйте для этого одни только оружія свѣта: наставленіе, вразумленіе, убѣжденіе, кротость, любовь, собственный примѣръ благочестивой жизни. Если другіе христіане держались иногда или и доселѣ держатся даже въ дѣлахъ вѣры мнѣнія, будто цѣль освящаетъ средства, такіе христіане для насъ не примѣръ".

(Продолж. слѣд).

of Moscow; „but bear in mind that Orthodoxy is purest light, and should on no account be propagated by ways of darkness. Use only weapons of light: exhortation, argument, persuasion, gentleness, loving-kindness, and the example of pious living. If other Christians have held at times, or hold even now, in matters of faith, the opinion that the end sanctifies the means, such Christians are no example for us to follow”.

(To be concluded).

SIGNS OF THE TIMES.

By Archpriest Peter Smirnof.

(Continued).

But lo! in direct opposition to all those who would settle future destinies in advance of time, we have the Savior's word,—the word He once said to them that were to spread light through the world: „It is not for you to know the times or the seasons, which the Father hath put in His own power.” There is in Scripture a still stronger and more decisive utterance of the Savior on the same subject:” *But of that day and hour knoweth no man, no, not the angels of heaven, but my Father only.*, (Matth. XXIV, 36). The evangelist Mark gives these words with still greater precision and finality: *But of that day and hour knoweth no man, no, not the angels which are in heaven, neither the Son, but only the Father* (Mark XIII, 32).

According to the teaching of the word of God, all three Persons of the Trinity share in the work of our salvation. While to the Son is ascribed the act of salvation itself, and to the Holy Ghost that of imparting it to men through the gifts of grace, to God the Father is attributed the supreme will that men should be saved, as seen from the words of Our Lord „Lo I come (in the volume of the book it is written of me), to do Thy will, O God;!” (Hebr. X,7),—the

drawing of men to the grace of the Son by providential ways, as seen from the following words of the Lord, „No man can come to me, except the Father which hath sent me draw him” (John VI, 44),—and the limitation of the gathering of men into the Church, as shown in the foregoing words of the Savior. When the Heavenly Father finds that enough men have enjoyed the fruits of the Atonement, that the seeds of the saving doctrine sown by His Son have matured and brought their fruits, that the salutary leaven of that doctrine has produced that revolution in men's minds and hearts which is necessary for their eternal blessedness—then He will decide about the end of the world*).

*) We are not, of course, to infer that the Lord Jesus Christ Himself, being One in Godship with God the Father, does not know this. How should He not know all things, Who is Himself the All-wise, the Maker of the ages, the Creator and Restorer,—He Who is the end of all creation, and knoweth the things of God as the spirit of man knoweth what is in him? (I Corinth. II, 11).

No; He doth know the day very well. Speaking thus, He only forbids His disciples not alone to know, but even to inquire about it. There is a similar passage in the Gospel by John where the Lord sayeth „For the Father judgeth no man, but hath committed all judgment

Now if no one—not even the angels of heaven—knows the time of the end of the world, and the Son of God Himself leaves that knowledge to the Father alone, then all human conjectures on the subject are, at the best, speaking from the Christian point of view, naught but attempts to fathom, by the feeble standard of the human mind, the immensity of God's ways and of the Divine Reason.

While concealing the times and seasons of His second coming in the mystery of Divine Wisdom, Christ yet teacheth us to know the signs of the times...., Now learn a parable of the figtree: When his branch is yet tender, and putteth forth leaves, ye know that summer is nigh: so likewise ye, when ye shall see all these things, know that it is near, even at the doors. Verily I say unto you, *This generation shall not pass till all these things be fulfilled* (Matth. XXIV, 32-34). The Lord even chid the Pharisees because they knew not the signs of His first coming: „When it is evening, ye say, It will be fair weather, for the sky is red. And in the morning. It will be foul weather to day, for the the sky is red and lowering. O ye hypocrites, ye can discern the face of the sky; but can ye not discern the signs of the times?” (Matth. XVI, 2-3). Lastly the Lord deigned, Himself personally and through the Apostles, to indicate the signs of His second coming and of the end of the world. The signs are the following: on one

to the Son (John V, 22). As the redemption of mankind, in God's pre-eternal design, was to be accomplished, by the Son, so to Him also was left the power to pronounce judgment, doubtless conjointly with the will of God the Father, over them that will not believe in Him as the Redeemer. There the Son leaves to the Father the appointing of the day and hour of the end of the world;— here the Father commits to the Son the right of judging the men He hath redeemed.

hand, the extraordinary progress of good upon earth; the Gospel preached in all the world (Matth. XXIV, 14); the conversion of the Jews (final, wholesale—”all Israel) to the true faith; on the other hand—the extraordinary progress of evil: decrease in faith (Luke XVIII, 8), an increase in crime and calamities and, in consequence of increased iniquity, a drying up of love (Matth. XXIV, 12; I Tim. III, 1-5); the coming of Antichrist (II Thessal. II, 11)

How then can we conciliate the fact that the time and seasons of Christ's second coming and the end of the world are hidden from us with these instructions about knowing the signs of the times?

These instructions are given in Christ's talk on the destruction of Jerusalem and the temple (Matth. XXIV). This chapter is considered one of the hardest to interpret, because some of its features can be understood to refer to two distinct events—the destruction of Jerusalem and the temple, nearest in point of time,—and to the more remote, involving the end of the world. Both events are presented by the Lord in a kind of perspective view, so that their features are merged together and appear identical. Does not this method of presentation supply us with indications, as to the manner in which we all should consider the great events of the latter days? The end of the world will undoubtedly arrive, and the signs that are to herald it are indicated so plainly and with such precision that this particular doctrine forms a separate section of dogmatic theology. These signs are not such as to warrant the expectation of the great catastrophe in the near future, although, on the other hand, the times and seasons thereof cannot be known even to them that shall be living in those latter days; the Lord's day shall come suddenly— as the deluge once came upon them that lived in Noah's time. But the two

principal signs at least are wanting at present: the Gospel is still far from being preached in all the world, and the time of special, wholesale conversion has not yet come for the Jews.

And so, they that believe in these signs look on undisturbed in spirit as century follows century, giving up themselves and one another and all their being unto the will of the Lord, giver of life. God is merciful: the sun still shines upon us equably with its gladsome light, the earth still yields us her fruits in due season. China will calm down, God willing, and the Mussulmans will subside. The Cross is rising and will undoubtedly rise still higher above the Crescent and above the horrid, open-mawed Dragons. But before the end of the world other catastrophes are to be fulfilled—catastrophes that are near, that possibly threaten us already. Every one of us has his or her own Jerusalem—the common native land of all; every one has his own corporeal temple, in which our immortal spirit abides. Does not destruction threaten them?

Nothing, of course, is nearer to a man than his own self. Hence each man's first and closest attention, in connection with the changes of times, should be directed to himself. *Here* is the main and central point for knowing the times. The Lord said to the Pharisees: „Ye can discern the face of the sky and of the earth: why of yourselves judge ye not-what is right?” (Luke XII, 56-57). We should then, first and foremost, judge the signs of the times by ourselves. A century is too large a measure for a human life. Even one year is quite a respectable quantity... However hard some people try to drown in all sorts of trifling frivolity the feelings naturally called forth by the much-meaning minutes when one year passes into another, the heart cannot but shudder at the question: what will

happen to me in the year now beginning? This is the most favorable moment to question oneself: what use have I made of my time so far? If at this moment we are faced by gloomy memories of this or that duty forgotten, of ill-spent days and hours, if our heart sinks at the thought of how little we are yet prepared to appear before the judgment-seat of God—then we must come to the decision to leave the path of sin, leading to perdition and strife, and to enter on the right path. But of course the sting of the questioning conscience in each of us is greatly sharpened when it is a century that passes away and a new *century* that comes in. Not one year has dropped into eternity, nor two, nor three, but a whole century—our own century; ours by birth and breeding, and by the first period of our active life, nay, for some of us, by a whole lifetime of public work. And now it goes forth from us, to the judgment of posterity. The fatal hour strikes with peculiar force; each stroke tells us that we have all come nearer to God's dread judgment-seat.

Equally with our own personality and the more immediate circle of our relatives and friends, in whom we seem to feel a prolongation of our own self (*amicus alter ego*, „my friend is my other self”), and even more than either they or our own selves, our common native land is dear to us. „*If I forget thee, O Jerusalem, let my right hand forget her cunning. If I do not remember thee, let my tongue cleave to the roof of my mouth; if I prefer not Jerusalem above my chief joy* (Psalm 137, 5-7). The human race, in its development and further evolution, presents not a gregarious mass, an immense crowd of men similar in the conditions and manner of their lives, such as modern socialism dreams of, but a wonderful variety of characteristic features, differences, distinct peculiarities, racial and individual. Unity

in variety—that is the true spiritual beauty and law of life. Reaching forth ever deeper and farther in its evolution from the individual and the clan, this law manifests itself in the marvellous variety of nations. If they lead a regularly progressive life and are ruled by a sensible government, they treasure carefully their characteristic conditions, feeling at first, as one may say, instinctively, then realizing more and more clearly their respective peculiar missions in shaping the general destinies of the race, in gradually and persistently accomplishing the particular tasks set them by Providence, bringing out each its own characteristics, its own national spirit. Like individuals, every nation that is conscious of its peculiarities lives and moves according to the law of freedom. When a nation fulfils the will of God, is true to His ways and designs, it is loaded with mercies and blessings. But the nation which shows itself rebellious and incorrigible falls under the judgment of God, and that judgment is generally sudden, always terrible. How many such catastrophes have already been recorded on the pages of history!

A change of centuries has a peculiar significance in the life of the nations. They are visible steppingstones in their career. Look at the two centuries nearest to us in the life of Russia—the XVII-th and the XXVIII-th: how strikingly they differ from each other! And what will posterity say of our XIX-th century? What will be history's verdict on it? And—first and foremost—whither are we tending? What awaits in the near future this dear, precious native land of ours, for which, in an emergency, many, if not all, of us would lay down their lives as our brave soldiers have just shown out there, in the Chinese quagmires? This is the most serious question, the question of greatest import, which confronts us on the boundary line of two countries.

In pursuing the study of a nation's life, we should, of course, attach great importance to the indications furnished us by its historians, thinkers, and poets,—men like our lamented, gifted V. S. Soloviof and his illustrious father, to whose authority he refers in his speculations on the end of the world. But I hold as far more important and authoritative in this respect, the indications supplied by those whom the Lord hath appointed to be *watchmen to the House of Israel*. Here we frequently find combined the philosopher's strict reasoning and the poet's gift, and over and above this, there is sent, in the great Sacrament of priesthood, the gift of teaching: that is what they are appointed for—to lead and to teach, and to guard Christ's flock. Of the prelates who attained distinction as preachers of the Word I will mention two: Philaret, Metropolitan of Moscow and Archbishop Nicanor.

The Metropolitan Philaret, as a pulpit orator, stands on the summit of theological contemplation and is principally a teacher of the faith, but there is no vice or error of his time that he did not denounce. This he did incidentally, carefully avoiding any harshness of denunciation, and as though he did not consider the revelation of such errors and vices worthy of the pulpit. He expressed himself more clearly on the subject of various political and social facts in his letters to various persons, especially to his own spiritual father, Archimandrite Antonius Still, the growing vices of the age impelled him not only to speak of them more loudly and insistently, but to take other pastoral measures against them. „When light fails outdoors”, he said in one of his discourses in 1848, „we light up indoors. Take heed, O Russia, and kindle thy brightest home light,—for beyond thy boundaries, in the prophet's words: „Behold, the darkness shall cover the earth,

and gross darkness the people (Is. 60, 2). „There the firm earth is changed into a tossing sea of nations, which in part already swallows up, in part threatens to swallow up, institutions, laws, order, public confidence, prosperity, security.” In 1861, distressed about the then deplorable condition of Russia, Philaret determined to have recourse to a special, uncommon measure—and ordered extraordinary prayers in the churches of his jurisdiction, for turning aside the wrath of God. When this order became known in St. Petersburg, it produced much excitement in certain spheres. Confidential inquiries were set on foot, and at last the Metropolitan himself was asked for explanations. He uncompromisingly pointed out the dangers threatening the people from the universal increase in sins and iniquities, and unto the end of his life special supplications for the turning of the divine wrath went up to heaven from all the churches in Moscow and in all the rest of his jurisdiction.

Archbishop Nicanor was especially ardent and vehement in his expressions on every movement in the contemporary world and was deeply pained by the contemplation of the evils and disasters which had already visited us. He especially deserves the credit of having—not “screamed” as Soloviof says of himself—but cried loudly of the terrible dangers which threatened Russia, of the disasters and visitations which were coming. We have before us the discourses which he delivered on successive New Year’s Days: what are their themes? „Christianity and Progress”; „Vanity of vanities”; „The feast of Belshazzar”; „The Philosophy of Nihilism”; „The Philosophy of Evolutionism”; „Church and State”; the last being a discourse against Count Leo Tolstoy. The titles speak for themselves. „We are rushing towards the precipice with stultifying rapidity”, he says in one of these discourses;

„the river of time washes out its banks; not the Rock—it is indestructible—upon which is built the Universal Church of Christ; but those piles on which the Church is supported in our people, and which seem to be shaken loose and rotting in places. How many are there among us, who fearfully watch to see whether Christ’s lamp is not drifting away from us to some distant place—say, Japan?” In his denunciations Archbishop Nicanor went straight to the point, fearless of any unpleasantness, scorning danger and the fear of men. Him who is spoken of as „the great teacher of the age” he calls uncompromisingly and in all men’s hearing, a heretic and heresiarch. „It is a custom of the press”, he said, „as though by tacit consent of all Russia, to apply to the Count-preacher none but the most flattering, high sounding epithets: our great master,—our gifted artist,—our genius-poet etc. How has he deserved such honors? such slavish worship: „teach us, great master, teach us!” Is it by undermining the foundations not of religion alone, but of the State?.. It is high time to call things by their names, to pull off the wolf’s back the pelt of the gentle ‘sheep’... On one occasion, when Archbishop Nicanor was invited to consecrate the building of a society of fine arts, he delivered a speech demonstrating that, along with religion, art too must fall. „The ideals dear to our hearts are dying out; so is the living Christian spirit, and along with these art—inspired, characteristic, fertile in ideas, also dies out in all its branches—architecture, painting, music, poetry. The technical appliances of art stand high as perhaps never before, but the spirit is going”...

I might name one more prelate—Archbishop Ambrosius of Kharkof, still living in peace, who, in the deepest vale of years, still astonishes us by the force of his thought, and the skill of his pen... In his

fifty years of uninterrupted preaching he has touched on all the plague spots and diseases of contemporary society, and in his New Year's-Day sermons, has drawn our attention to the profoundly significant signs of our time. But his inspired word, which to the glory of God, is still heard in our church, invites us to attention and serious thought, and it is not long since, in these very columns, was printed an address of his, wherein he explained „the causes of the excessive propagation of vice and crime in the modern Christian world”.

(To be concluded).

THE FEAST OF THE EPIPHANY (*Twelfth Night*)
IN OLD-TIME RUSSIA.

(Continued).

In addition to its healing virtue the epiphania water had that of cleansing from sin. This is why the sick in conscience used to plunge into the holes in the ice. There were certain sins which it was supposed, could be cleansed only by this one means. They were the sins incurred by mummeries and by taking an active part in the festive season's merry-making. Mummery was indulged in much more generally than it is now, and, if we are to believe ecclesiastical writers, was a far from harmless amusement, but on the contrary very coarse and immoral. The representatives of the early Russian Church held the view that mummers relapsed into paganism for the time, and, in order to be restored to their status as Christians, had to be purified in the waters of „Jordan”. There was a class of men who made of „mumming” a profession—they were the old-time play actors or buffoons,—and these washed off their sins in the „epiphania” holy water.—In the XVII-th century a sort of dramatic „mystery” made its appearance in Russia, known as the „Furnace Act”, which demanded for its presentation regular actors, who went by the name of „Chaldees”. It is rather remarkable that, in spite of the spiritual and religious nature of the entertainment*), these Chaldees were on the same social level as the despised „buffoons”, and had to wash themselves clean in the waters of „Jordan” after the performances. Olarius has much to say about them: „The Chaldees were disreputable men, who received

from the Patriarch a license, authorizing them for the space of eight days before Christmas and the entire holidays up to the day of the Three Kings (Epiphany) to run about the streets of the city with a peculiar kind of fireworks, with which they singed people's beards, and had fun with peasants in particular. These Chaldees dressed like carnival clowns: they wore on their heads painted wooden hats, and smeared their own beards with honey, so as not to get them singed with their fireworks. Through all the time of merry-making and street-racing the Chaldees are considered as heathens and impure, so that if any one of them dies during this period, he is counted among those given over to eternal torment. Therefore, on the Feast of the Epiphany, they are re-baptized, to cleanse them of all such godless impurities and make them once more partakers in the Christian Church”. The Chaldees were immersed thrice, as though to re-enact on them the rite of baptism. After that „they became again as pure and holy as any of the others. There were those among these fellows who had been thus baptixed ten times over, and more.”—But, according to the popular belief, bathing in the icy „Jordan” cleansed of more sins than mumming. And there were always many who were anxious to obtain forgiveness in this manner. There is no reason to think that this practice was confined to the common people. In ancient times, like most customs now surviving in the lower classes alone, it was common to all classes—in the capital, in cities, and in villages. A certain Margeret, a contemporary of the first Pretender—tells that the Tsar and the grandees bath used to in the „Jordan” waters, and asserts that he himself saw the Tsar jump into the hole. Olarius mentions a custom which exists to this day—that of bathing horses in the rivers on the 1st of August after the consecration of the waters. It was of course impossible to do this in January; so they were only given water from the „Jordan” to drink. One foreigner tells that, when the crowd around the ice-hole had begun to thin, the finest horses from the Tsar's stables were brought to it and made to drink. This was done also by peasants and the poorer classes, says Paul of Aleppo. Nor were horses alone brought to the Jordan to drink, but also cows and every kind of domestic animals.

Of course every one devoutly carried away a vessel of the holy water, which was then treasured through the entire year with great reverence. The following is an ancient instruction on the subject: „Preserve it most carefully, as it were a part of the Sacrament itself. Should any of it drop or be spilt, the spot whereon it fell should be burned but with a live coal, or else the whole article be burned up and thrown into water; should any of it be spilt on a garment, that garment should be cut up and laid in a place which is not a thoroughfare.” The reverence for the holiness of the consecrated water was carried so far, that the „Jordan” and the river itself was guarded

*) The „Furnace Act” was a dramatization of the Biblical story of the three Hebrew youths in Nebuchadnezzar's furnace.

from pollution. The hole was filled, and women were forbidden to wash clothes there; it was also seen to that animals should not pollute the spot. It is customary among the common people to abstain from washing clothes in a river for the first three days after the Epiphany and after the 1-st of August. That shows a care for the purity of the consecrated water of rivers and springs. These are the general features of the popular customs observed on the Feast of the Epiphany.

There were, however, a few that had their origin in the hostile element of ancient Russian paganism. This holy day very nearly coincides with the winter solstice, i. e. the time when the sun turns towards summer, or in other words, with the beginning of the new year. And the entire popular ritual of the day expresses the farmer's preoccupation about the coming crop, is full of omens and divination on the same subject; there are also many popular sayings and prophecies with the usual alliteration and play upon words founded on observations of weather and temperature. If the day is warm (comparatively) the rye and wheat will stand thick (a good crop); a fog at the time of the procession is a favorable sign; so are a snowfall with big soft flakes, or blue black clouds coming up at noon. A bright, sunny day is a bad sign. In Little Russia the fast on the eve of the feast is strictly observed: nothing is eaten till evening, when the fast is broken with a stew of dried fruit, boiled rice and peas. Before the rice is served, the frost is conjured, that it may not destroy the seed in the ground. Another Russian popular practice is to make crosses with chalk on the doorposts in the houses and barns. In ancient times this practice was quite complicated. Among the questions which priests asked their penitents at confession (XVII century), there is the following: „Didst thou not, on the eve of the holy day of the Epiphany, make crosses out of wooden chips, and didst thou not stick such crosses in the corners of thy dwelling, and in the bread, and didst thou not, after the space of three days, burn such crosses?” The object of this rite was, probably, to exorcise the evil forces, which threatened harm to the household and the family's prosperity, by the twofold virtue of the Christian symbol—the cross, and of the heathen purifying element—fire. The Church numbered the practice among sins.—We are told of another custom which existed in Moscow in the middle of the XVII-th century—that of „praising the ploughs” during the night before Epiphany „with singing of devilish, ribald songs”. This custom of singing in praise of the plough, the instrument of husbandry, survives to this day in Little Russia and Galicia (Red Russia). On this night the young people—especially the maidens used to question fate after various ways of fortune-telling, to find out about their future husbands, while the old women collected snow from haystacks, that particular snow being considered excellent for the bleaching of linens, healing in sickness and the only efficient remedy

against that direst foe of womankind—the Fiery Serpent who visits women at night and makes them melancholy mad.

There are very few such rites and signs for the feast day itself. And all such are anyhow but miserable remnants of the ancient Russian heathen ritual, adapted to the great Christian festivals.

Древняя религія Тлинхита.

(Продолженіе).

Впроеванія въ духовъ и души умершихъ.

Весь міръ индіанинъ населилъ духами или еками. Екъ—это духовное существо, которое способно воздѣйствовать на человѣка посредственно, принимая форму живаго существа: человѣка, звѣря, птицы, рыбы и т. д., или непосредственно, какъ невидимая сила, въ большинствѣ случаевъ злая, вредоносная. Екъ можетъ жить даже въ вещахъ, на примѣръ: деревѣ, камнѣ, травѣ, идолѣ и пр. По мѣсту своего пребыванія или жилища еки и различаются между собой. По мнѣнію индіанина, одни еки обитаютъ вверху, на небѣ. Поэтому онъ ихъ называетъ текиеками, или верхними еками. Другіе еки живутъ внизу, въ водахъ, подъ землей, въ пещерахъ, почему называются тыггееками, или нижними еками. Третій разрядъ ековъ имѣетъ обиталище на землѣ, но гдѣ то вдали, на краю свѣта, — почему эти еки называются таккеки, а мѣсто, гдѣ они живутъ—таканку.

О происхожденіи ековъ ничего положительнаго неизвѣстно. Равно какъ неизвѣстно, имѣетъ ли ихъ жизнь какой нибудь предѣлъ, или, какъ души безплотные, — они вѣчны.

Въ большинствѣ случаевъ, въ мифахъ, гдѣ играютъ не малую роль и еки, они смѣшиваются, а иногда совершенно отождествляются съ душами умершихъ. О душахъ умершихъ такъ же какъ объ екахъ повѣствуется, что однѣ изъ нихъ живутъ вверху, другія — внизу, третьи — гдѣ-то на сѣверѣ, вдали. Всѣ вообще души лю-

дей носятъ общее названіе каековъ, отъ словъ ка — человекъ и екъ — духъ.

Въ виду этого приходится разбирать ученіе объ екахъ и каекахъ въ тѣсной связи.

По вѣрованію индіанъ, человекъ, умирая, только начинаетъ новую жизнь и часто лучшую, чѣмъ какую онъ велъ до сего времени. Имѣя сильную вѣру въ существованіе духовнаго мира, въ загробную жизнь, въ постоянное общеніе міра духовнаго съ земнымъ, видимымъ, — индіанинъ не боится умирать и не смотритъ на смерть какъ на что либо необыкновенное и страшное. Въ его воображеніи два міра, загробный и тѣлесный, такъ сливаются тѣсно, что переходъ изъ одного въ другой кажется вещью самой простой и естественной. Особенно пріятнымъ считается умереть смертью воина, на полѣ брани. Души такихъ людей идутъ прямо въ жилище теки-ековъ, или въ кіуакау. Здѣсь имъ будутъ прислуживать павшіе отъ ихъ руки непріатели, а равно задушенные въ честь ихъ, на тризнѣ по нимъ, калги или рабы. Не много хуже бываетъ душамъ тѣхъ, кто по смерти попадаетъ въ общество таки-ековъ, или въ таканку. Но совсѣмъ не хорошо душамъ, идущимъ въ общество таги-ековъ, къ самому тыги-анкау или сатанѣ, въ его цике-кау. Впрочемъ индіанскій цике-кау, или адъ, не былъ такимъ страшнымъ мѣстомъ какъ адъ Данте, и самъ тыги-анкау не былъ очень злостнымъ духомъ.

Различіе цике-кау отъ кіуакау и таканку состоитъ въ слѣдующемъ. Въ кіуакау души жили въ тьмѣ, въ довольствѣ; тамъ было всегда свѣтло; всякой пищи, особенно жиру, было довольно. Въ таканку тоже жилось не безъ удобствъ, но за то туда трудно было добираться. Дорога была трудновата туда. Особенно когда родственники умершаго много плакали. Тогда душѣ приходилось идти до таканку по водѣ, по тундрамъ. Но такую трудность дороги всегда можно было облегчить, равно какъ и нѣкоторыя неудобства жизни въ самомъ таканку. Для этого родствен-

ники умершаго должны были почаще устраивать по умершемъ тризны и приносить жертвы, бросая въ огонь очага часть съѣстного. Чтобы душѣ не было въ дорогѣ и въ самомъ таканку холодно тѣло умершаго слѣдовало всегда сожигать, особенно людей простыхъ, души которыхъ не имѣли надежды попасть въ кіуакау. Еслибы тѣло такихъ людей осталось не сожженнымъ, душѣ на томъ свѣтѣ пришлось бы худо. Она не имѣла бы права подходить къ общему костру, гдѣ грѣются души умершихъ, коихъ тѣла были сожжены, и ей пришлось бы дрогнуть всю жизнь на холоду и съ завистью лишь издали посматривать на счастливецъ, грѣющихся у благодѣтельнаго огонька*).

Индіанинъ вѣритъ вполне въ переселеніе душъ умершихъ, допуская, что душа умершаго можетъ снова явиться на землю, народившись въ иной человѣческой формѣ, или въ видѣ животнаго. Онъ вѣритъ, что умершій членъ семьи можетъ опять народиться отъ одной изъ женщинъ тойже семьи. Это легко бываетъ узнать, если покойникъ начнетъ являться во снѣ беременѣвшей женщинѣ, или она будетъ по временамъ слышать его голосъ на яву. Въ такихъ случаяхъ новорожденному даютъ имя покойни-

*) Вѣрованіе, что адъ есть страшно холодное мѣсто и что адскія мученія и будутъ состоять въ жизни души въ прохолодъ, безъ возможности гдѣ нибудь погрѣться, — очень распространено между нѣкоторыми племенами дикаго сѣвера. По поводу этого, между прочимъ, рассказывается, что одинъ миссіонеръ, проповѣдывавшій на крайнемъ сѣверѣ, нерѣдко страдалъ своихъ небезгрѣшныхъ овецъ пекломъ, но всегда въ такихъ случаяхъ, вмѣсто страха на лицахъ слушателей онъ читалъ довольство и радость. На такое грустное явленіе онъ не преминулъ пожаловаться своему епископу. Но епископъ тотчасъ сообразилъ, какимъ адомъ нужно мучать сѣверяковъ. Когда настало время проповѣдовать предъ безстрашными грѣшниками, улыбающимися даже при описаніи страшныхъ мукъ пекла, епископъ пригрозилъ имъ такимъ адомъ, гдѣ морозъ будетъ въ стократъ сильнѣе, чѣмъ теперь они переносятъ на землѣ и въ адѣ огня совсѣмъ не будетъ. И достигъ вполне желанной цѣли. Не нашлось ни одного человека, желающаго идти въ такой адъ.

ка. Но бываютъ случаи переселенія душъ въ животныхъ—въ медвѣдя, нерпу, собаку, оленя и т. д.

Почему душа одного человѣка перевоплощается въ человѣческое тѣло, а другаго—въ животныхъ, это зависитъ отъ многихъ причинъ, которыя бываетъ трудно человѣку уразумѣть.

Прежде всего у каждаго человѣка есть свой собственный екъ, который постоянно работаетъ о немъ, сохраняетъ его въ опасности, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Этотъ екъ, называемый т у-к и н а е къ, есть добрый, благожелательный духъ, и человѣка всегда онъ направляетъ къ добру и отвращаетъ отъ зла. Но въ иныхъ случаяхъ онъ можетъ совсѣмъ покинуть этого человѣка. Отъ т у-к и н а е к а зависитъ загробная судьба человѣка. Отъ него зависитъ послать душу въ к і у-а к а у, или въ таканку или въ це к е-к а у. А отъ этого обстоятельства зависитъ дальнѣйшая судьба души. Изъ кіу-акау и таканку души умершихъ обыкновенно перемѣщаются въ человѣческую форму и, смотря по обстоятельствамъ, по своимъ склонностямъ, прежнимъ, земнымъ доблестямъ дѣлаются опять или храбрыми воинами или рабами. Иногда и напротивъ, рабъ, бѣдный, прожившій всю жизнь въ нуждѣ и бѣдствіяхъ, послѣ смерти перевоплощается въ тѣло воина; можетъ даже сдѣлаться начальникомъ. Изъ цеке-кау же души умершихъ должны переселиться въ животныхъ.

За какіе грѣхи и въ какое животное душа посылается, — миеолигія не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Въ древнее время вѣроятно индіанская миеология, какъ египетская, имѣла опредѣленный кодексъ такихъ грѣховъ и различала важдые грѣхи отъ менѣ важныхъ, но это разграниченіе утерялось по мѣрѣ того, какъ древняя религія, теряя свои первоначальныя формы, вырождалась въ грубый шаматизмъ.

А. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Высокій примѣръ.

Православная Американская Миссія много порадована новой милостью Русскаго православнаго Государя. Отзываясь на нужды церкви этой заокеанской епархіи, Его Величество отъ своихъ Монаршихъ щедротъ пожертвовалъ по двѣ тысячи рублей на храмы въ Питтсбургѣ и Вилькесбарре, и на сиро-арабскую церковь въ Нью-Йоркѣ.

Естественное чувство глубокой благодарности за явленную таковымъ пожертвованіемъ милость усугубляется въ виду тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, какими обставлено существованіе здѣсь нашей миссіи. Несомнѣнно, что лишенія и невзгоды, обычно являющіяся удѣломъ далекихъ миссій, въ связи съ преобладаніемъ въ нашей миссіи совершенно несостоятельныхъ въ матеріальномъ отношеніи прихожанъ, сильны всегда привлечь симпатіи благотворителей къ намъ и даютъ намъ вполне сознательное право просить и ждать христіанской отъ нихъ помощи; но, съ другой стороны, все чаще и чаще приходится чающимъ таковой помощи выслушивать отъ нѣкоторыхъ холодный упрекъ, что-де и своихъ нуждъ въ Россіи не оберешься; своихъ дыръ не заткнуть; гдѣ тутъ считается съ далекой заокеанской бѣдой; тутъ-де свои близкіе, а тамъ—частью оторванные навсегда отъ своего роднаго угла и не причастные общему ходу развитія нашего государственнаго дѣла, частью даже сродные намъ по духу лишь, а не по крови.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ протестъ истекаетъ изъ искренняго убѣжденія въ томъ, что только ограничивая свою благотворительность такимъ образомъ, слѣдуетъ и возможно содѣйствовать преуспѣянію русскаго православнаго дѣла и возрастанію русскаго добраго имени,—намъ остается противопоставить такому убѣжденію не менѣ искреннее убѣжденіе въ

томъ, что христіанское поступаніе вперёдъ опредѣляется прежде всего прямой заповѣдью нашего Спасителя—идти во весь міръ, проповѣдывать евангеліе всей твари, всѣмъ народамъ, и что развитіе и насажденіе царствія Божія на землѣ стоитъ въ прямой зависимости отъ проникновенія послѣдователей Христа этой заповѣдью. По смыслу ея, каждый долженъ быть миссіонеромъ: одни—подъемля на себя этотъ подвигъ въ прямомъ смыслѣ, т. е. странствуя по близкимъ и дальнимъ странамъ, гдѣ еще не проповѣдана истина, или гдѣ она содержится въ неправдѣ; другіе—облегчая трудъ своею лептою, со вѣтомъ, наипаче же молитвой.

Въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ, читателей возвратитъ къ разсмотрѣнію этого вопроса въ большей полнотѣ статья одного изъ нашихъ собратій-миссіонеровъ. Мѣ же не скроемъ своего глубокаго скорбнаго чувства по поводу того, что большинство указанныхъ возраженій противъ матеріальной поддержки нашихъ далекихъ миссій и единовѣрцевъ русскими благотворителями, раздаются со стороны лицъ, которые въ дѣлахъ благотворенія и вообще тепло-хладны, чтобы не сказать больше. Найдутъ ли въ нихъ себѣ сотрудниковъ и искренніе носители этого эжъ взгляда, искренніе работники на пользу нашей дорогой родины? Насбороть, не естественнѣ ли ожидать, что все участіе возражагелей въ великомъ дѣлѣ устроенія царствія Божія на землѣ окончится этимъ расколаживающимъ добрыя намѣренія протестомъ противъ добрыхъ христіанскихъ жертвъ, дѣлаемыхъ по влеченію добраго русскаго сердца, по сочувствію горю и духовнымъ нуждамъ далекихъ по странству, но близкихъ по заповѣди Божіей, людей!..

Вотъ почему доброе и милостивое вниманіе Державнаго Русскаго Государя,—при всѣхъ безмѣрныхъ заботахъ о своихъ

подданныхъ, при великихъ жертвахъ на пользу нуждающихся сыновъ своей великой Имперіи, находящаго возможнымъ столь часто и обильно радовать дѣятельнымъ сочувствіемъ и щедрой жертвой далекихъ единовѣрцевъ, проживающихъ на чужбинѣ,—всей американской паствой принято съ трогательнымъ умиленіемъ и молитвенной благодарностью. Радостно сознавать, что въ сердцѣ перваго Сына русской земли не оскудѣвая горитъ христіанская любовь къ далекимъ и близкимъ, смягчая чувство сиротства у заброшенныхъ въ этотъ край русскихъ людей и упрочивая навсегда въ сознаніи всѣхъ сыновъ православной церкви за Русскимъ Императоромъ славное имя „Единственнаго державнаго покровителя Православія на всемъ земномъ шарѣ“. Да будетъ благословенъ Державный родъ его, и да водятся примѣромъ его любви всѣ добрые русскіе благотворители и ревнители православнаго дѣла!

Дѣятельность Россійскаго Православнаго Миссіонерскаго Общества.

При всѣхъ успѣхахъ проповѣди евангельской по вселенной, при всей ревности апостоловъ вѣры Христовой и ихъ давнихъ трудахъ, вспомоствуемыхъ благодатію Божіей, что представляетъ намъ современное челоѣчество въ дѣлѣ вѣры Христовой? Не будемъ здѣсь говорить о христіанахъ, повреждающихъ чистое ученіе Христово, отпадшихъ отъ единства съ православной церковію; нѣтъ, есть цѣлыя многомилліонныя государства, которыя вовсе невѣдаютъ свѣта истины Христовой и блуждаютъ во тьмѣ язычества: одни изъ нихъ исповѣдуютъ буддизмъ, другіе—слѣдуютъ ученію Конфуція, третьи—Магомету,—четвертые, какъ напр., черное населеніе Африки и Австраліи съ прилегающими къ нимъ островами—самые грубые язычники. И у насъ, въ предѣлахъ нашего необъятнаго отечества, на св. православной Руси, на ея окраинахъ: въ Туркестанѣ, на сѣверѣ Евр. Россіи, на Кавказѣ и другихъ мѣстахъ много племенъ инородческихъ, вошедшихъ въ составъ нашего государства, погрязаютъ въ язычествѣ или кланяются Магомету и живутъ по его Корану. Такимъ образомъ апостольское дѣло проповѣди евангельской далеко не окончено, еще много пройдетъ времени и болѣе того бу-

детъ положено усилій у беззавѣтныхъ труженниковъ-миссіонеровъ, когда составится изъ людей одно стадо, и они будутъ имѣть одного пастыря-Христа (Іоаннъ 10, 16). Трудомъ нашихъ миссій ежегодно приводится въ ограду православной церкви отъ $3\frac{1}{2}$ 4 тысячъ человѣкъ изъ язычества. Но, указывая на эту благоуспѣшность миссій въ ихъ великотрудныхъ подвигахъ, нельзя забывать и того, что, вмѣсто этихъ 4 тысячъ обращенныхъ изъ язычества и магометанства, путемъ естественнаго прироста населенія являются новые язычники и магометане и въ значительно большемъ количествѣ. При наличности подобныхъ условій темное царство язычества и магометанскаго лжевѣрія, очевидно, не только не ослабляется, но и продолжаетъ даже усиливаться, и достигаемые миссіями въ этой области благопріятные результаты истиннѣ представляють собою только начатокъ дѣла, которому призвано служить Православное Миссіонерское Общество.

Добровольнымъ евангельскимъ благовѣстникамъ трудно живется вездѣ, но особенно ихъ положеніе невыносимо на сѣверѣ Россіи и Сибири. Все чѣмъ красна и привѣтлива человѣческая жизнь, здѣсь крайне скудно и убого, — и природа и люди, почему и миссіонеры здѣсь терпятъ великія лишенія матеріальныя и нравственныя. Природа здѣсь суровая, лѣто короткое, а потому и растительность самая бѣдная, зима продолжительная съ 40° и болѣе морозами; глубокіе снѣга заносятъ всѣ тропинки и дороги, такъ что сообщеніе или весьма затруднительно, или и совершенно невозможно, люди живутъ совершенно отрѣзанными извѣстное время даже отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Единственные живые люди, съ которыми миссіонерамъ приходится имѣть дѣло и жить вмѣстѣ, дикіе кочевые инородцы, грубые и вовсе невѣжественные, живутъ они до нельзя неопратно и грязно, въ такихъ тѣсныхъ и грязныхъ юртахъ, что пробыть тамъ изпривычному человѣку невозможно и нѣсколько минутъ, чтобы не почувствовать головокруженія. А миссіонеру по прямой своей обязанности приходится входить въ близкія съ ними сношенія, подолгу жить съ ними вмѣстѣ, и питаться тѣмъ же, что и они ѣдятъ. — Присоедините къ этому полное отсутствіе: не скажемъ образованнаго общества, — а даже отдѣльныхъ мало-мальски интеллигентныхъ людей, съ которыми миссіонеру можно было бы обмѣняться мыслями и отдохнуть душею, тогда понятно будетъ намъ то тяжелое одиночество, на которое обреченъ проповѣдникъ Евангелія среди дикарей природы.

Духовное развитіе инородцевъ нашего отечества по большае части находится на низкой степени, — особенно это замѣчаютъ миссіонеры у инородцевъ Сибири и край-

няго сѣвера Евр. Россіи. Религіозныя понятія и вѣрованія ихъ дѣтски — грубы: эти цари природы обоготворяютъ грубымъ образомъ непосредственно окружающую ихъ природу, поклоняясь ей предметамъ и явленіямъ. Ихъ интересы и стремленія не поднимаются выше грубо-матеріальныхъ потребностей жизни дикаря; далѣе они не восходятъ. Нравы и обычаи ихъ грубы, низменны и жестки; руководятся они въ своихъ дѣйствіяхъ чисто животнымъ инстинктомъ и побужденіями природы, несмягченными, хотя сколько нибудь, ни религіей, ни тѣмъ болѣе культурой, которая, если и коснулась ихъ, то только самыми неприглядными своими сторонами. — Такъ безотрадна и вполнѣ достойна сожалѣнія жизнь людей безъ вѣры во Христа!

На помощь безкорыстнымъ труженникамъ является Россійское Православное Миссіонерское Общество. Находясь подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, сіе Общество по настоящее время за 30 лѣтъ своего существованія принесло громадную помощь миссіонерскому дѣлу въ Россіи. Имѣя до 15 т. своихъ членовъ, оно почти въ каждой епархіи имѣетъ свои комитеты, которыхъ къ 1899 г. было 44. Со времени открытія Общества дѣло миссіонерства стало у насъ на твердую почву. Почти во всѣхъ мѣстахъ нашего отечества, гдѣ преобладающій элементъ инородцы-язычники или магометане, учреждены Обществомъ отдѣльныя миссіи со многими при нихъ станами и приходами, или — миссіонерскія учрежденія. Каждая миссія имѣетъ своихъ проповѣдниковъ, переводчиковъ, строитъ храмы, училища, больницы, помогаетъ бѣдствующимъ изъ обращенныхъ. При содѣйствіи Общества трудятся въ дѣлѣ апостольскомъ цѣлыя сотни, на его попеченія находятся многіе приходы, храмы, сотенъ училищъ съ цѣлыми тысячами обучающихся. А все это требуетъ большихъ издержекъ, между тѣмъ, какъ средства Общества не особенно велики, и оно далеко не можетъ удовлетворить всѣхъ своихъ неотложныхъ нуждъ. — Нами миссіонеры получаютъ малое жалованье, да и то не всѣ: доходовъ отъ своихъ новообращенныхъ прихожанъ, которые сами по большей части бѣдствуютъ и нуждаются въ помощи, они не получаютъ никакихъ; тяжесть положенія семейныхъ миссіонеровъ увеличивается еще затруднительностію давать образованіе своимъ дѣтямъ какъ по личной бѣдности, такъ и по дальности разстоянія отъ городовъ. На содержаніе миссій и миссіонерскихъ учрежденій въ Сибирѣ, Евр. Россіи и Японіи Общество расходуетъ до 300 тысячъ въ годъ, но много находится еще мѣстъ, уже просвѣщенныхъ свѣтомъ Христова ученія, которыя остаются безъ школъ, безъ храмовъ Божіихъ, безъ перевода богослужебныхъ книгъ и безъ удовлетворенія другихъ неотложныхъ нуждъ. А есть даже цѣлый край — туркестанскій, гдѣ правильная миссіонерская дѣятельность

среди киргизовъ почти еще не открыта. Общество миссіонерское дѣлаетъ все, что можетъ, по мѣрѣ своихъ средствъ. Поле дѣятельности его все расширяется, задачи съ каждымъ годомъ усложняются, а съ этимъ вмѣстѣ вырастаютъ и потребности, увеличивается нужда въ средствахъ. 44 епарх. комитета по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствуютъ благому дѣлу Общества.

Да дастъ Господь Обществу преуспѣвать въ благомъ дѣлѣ помощи апостольскому-миссіонерскому служенію какъ въ нашемъ отечествѣ среди язычниковъ, такъ и въ другихъ странахъ, гдѣ есть православныя русскія миссіи. Вся исторія нашего отечества свидѣтельствуетъ, что у русскихъ людей никогда не было недостатка въ усердіи содѣйствовать всякому доброму дѣлу добродѣтельными подаваніями, они знаютъ, что «добротна дателя любитъ Богъ» (2 Кор. 9, 7).

Да благословитъ Господь всѣхъ какъ труждающихся въ распространеніи благовѣстія Христова, такъ и способствующихъ этому великому и святому дѣлу, чтобы скорѣе наступило то желанное время, когда всѣ инородцы, населяющіе необъятное наше отечество, сѣднціи нынѣ во тьмѣ и сѣни смертиѣй, познаютъ Бога истиннаго, и во всѣхъ концахъ пространной Россіи—отъ востока до запада, отъ моря и до моря—будетъ славится едиными усты, и единѣмъ сердцемъ пречестное и великолѣпное имя Отца, и Сына, и Св. Духа.

Въ «Правосл. Благовѣстникѣ» сообщена изъ «Якут. Еп. В». резолюція первосвятителя Алеутскаго, Пресвященнаго Иннокентія, положенная имъ въ Іюнь 1858 г. въ г. Якутскѣ на рапортѣ священника о. Тютюкова по дѣлу о доносѣ одного старшины о шаманѣ В. Бубякинѣ. Ревнуя о вѣрѣ, но не зная какъ поступить, о. Тютюковъ представилъ свои затрудненія («на прозорливое разсмотрѣніе мудраго Архипастыря», на что и послѣдовалъ отвѣтъ:

«О. рапортующему: За ревность вашу къ вѣрѣ похваляю васъ. Дай Господи, чтобы она была всегда по разуму и возрастала болѣе и болѣе. Но, возлюбленный о Господѣ! Подобныя дѣла слѣдствіемъ и судомъ можно только приостановить, заставить быть скрытнѣе и проч. Но истребить ихъ нельзя. Изъ бумаги при семь приложенной видно, что а) писавшій писалъ для того, чтобы въ томъ дѣлѣ оправдать себя при случаѣ, или, пожалуй, по какому нибудь неудовольствію, б) что почти во всѣхъ упоминаемыхъ въ бумагѣ лицахъ нѣтъ истинной вѣры во І. Христа: они не болѣе какъ только крещенные во младенцествѣ и только! Итакъ, возлюбленный, прежде нежели предать это дѣло слѣдствію и суду, попробуйте употребить всѣ тѣ мѣры, какія у васъ въ рукахъ, какъ-то: увѣщаніе простое, увѣщаніе съ просьбою, увѣщаніе со чтеніемъ чего либо изъ Евангелія

или Апостола, увѣщаніе съ молитвою и съ закліятіемъ, и слезами, и сожалѣніемъ о нихъ яко видимо погибающихъ, и (NB) все это должно быть съ любовью. И ежели послѣ всего этого они останутся тѣже, то скажите имъ на отрѣзъ: «такъ какъ вы не хотите оставить діавола и служите ему болѣе нежели Богу, то да будетъ вамъ Судья Богъ!.. а я чистъ отъ гибели вашей, я вамъ сказалъ все, просилъ васъ, молил, вразумлялъ, увѣщевалъ. Но вы не слушаете меня. Мнѣ остается только по моей обязанности донести обо всемъ этомъ моему архипастырю».—Если вы такъ поступите, то будьте увѣрены—они все бросятъ, или по крайней мѣрѣ васъ не осудитъ никакой судъ, ни судъ людской, ни судъ судей, ни судъ начальнической и ни судъ Божій—а иначе,—вы покажете только, что вы не отецъ вашей паствы, не врачъ духовный, не другъ полагающій душу за други; а не болѣе какъ тотъ же чиновникъ, только въ расѣ. И.А.К.

P. S. Если признаете нужнымъ и приличнымъ, то прочтита все это шаману и его прихожанамъ». («Пр., Благов.»).

— Одна изъ подробностей погребенія королевы Викторіи, носить на себѣ характеръ чрезвычайности и останется навсегда въ человѣческой памяти. Это именно желаніе покойной королевы быть отвезенной къ мѣсту послѣдняго упокоенія на пушечномъ лафетѣ. Эта воинственная принадлежность погребенія, употребляемая при похоронахъ военачальниковъ, составляетъ контрастъ съ миролюбивыми пожеланіями, вложенными молвою въ уста умирающей монархини, съ разказами о томъ, что покойная королева лично была всегда противъ войнъ, которыми было столь обильно ея долгое царствованіе.

Глубоко печальна поэтому эта картина гроба престарѣлой государыни, везомаго на пушкѣ, какъ бы готовой жерломъ своимъ изрыгнуть смерноубійственный огонь и заглушить его громомъ голоса милосердія, благости, правосудія, столь умѣстный у могилы королевы, послѣдніе мѣсяцы жизни и царствованія которой были омрачены и, быть можетъ, сокращены войной человѣконенавистнической и не находящей себѣ оправданія.

Быть можетъ такова и была воля королевы, но едва ли она настаивала бы на ея исполненіи, если бы ей представили все несоотвѣтствіе ея величія и величія смерти съ этой воинской угрозой передъ незакрытой еще могилой.

Какъ бы сама судьба, въ образѣ безсловесныхъ тварей—лошадей, отказавшихся везти лафетъ, сопротивлялась исполненію церемоніи, но лошади, не послушавшія понуканія державныхъ родичей почившей, были выпряжены первыми военными сановниками и Англии за мѣнены матросами.

Изъ всей этой картины проистекаетъ глубокое поученіе: современное человѣчество утрачиваетъ все болѣе разницу между добромъ и зломъ, между обязанностями заповѣданными Богомъ-Христомъ и до христіанскими преданіями

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Щедрый даръ.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода ходатайства Его Преосвященства объ оказаніи пособія на постройку православныхъ церквей въ Питтсбургъ, Вилькесбарре и Сиро-арабской въ Нью-Йоркѣ, въ 9-й день Января Всемилоствѣйше соизволилъ пожаловать отъ Монаршихъ щедротъ шесть тысячъ руб. (по 2 тысячи на каждую церковь).

Епархіальное Начальство поставяетъ о семъ въ извѣстность причты вышесозначенныхъ церквей и предлагаетъ имъ въ первый же воскресный день вознести Господу благодарственное моленіе.

Отъ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія.

Сѣверо-Американское Духовное Правленіе симъ сообщаетъ, что Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Тихонъ, Епископъ Алеутскій и Сѣверо-Американскій, на третій день Пасхи выѣзжаетъ изъ С. Франциско для обозрѣнія церквей на континентѣ, начиная съ Гальвестона. На 6-19 Мая созывается въ Вилькесбарре конвенція делегатовъ отъ православныхъ братствъ.

По жертвованію:

На Гальвестонскую ц. пожертвовано:

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Густинемъ, Архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ. 51.50

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Николаемъ, Епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ 100.00

Поступили пожертвованія на постройку храма въ Нью-Йоркѣ:

Отъ Геромон. Вассіана (крейс. «Варягъ») 10.

» Г. Шевченко 1.05

» Конторы «Моск. Вѣдомостей» 172.95

Поступила въ продажу новая книга
на англійскомъ языкѣ

МИНЕЯ ПРАЗДНИЧНАЯ

содержащая службы
на двенадцатые праздники и на новый годъ.
Перевелъ съ славянскаго изданія

Проф. Н. В. Орловъ.

Лондонъ 1900.

Съ требованіями обращаться
въ С.-Американское Духовное Правленіе.

1715 Powell Str. S. Francisco, Cal.

Цѣна безъ пересылки 2.25

съ пересылкою 2.37

THE FERIAI MENAION

OR

THE BOOK OF SERVICES

FOR

THE TWELVE GREAT FESTIVALS

AND

THE NEW-YEAR'S DAY

—+*+*+*—

T R A N S L A T E D

From a Slavonian Edition of last Century

Printed identically with the latest issues in Moscow
and published as now by

THE MOST HOLY GOVERNING SYNOD OF RUSSIA

PRICE. \$2.37

North American Ecclesiastical Consistory,
1715 Powel St. San Francisco, Cal.

СОДЕРЖАНІЕ: № 5.— Должно научать другъ друга (добродѣтели. (Изъ Твореній Св. Иоанна Златоуста).— Покой (Изъ Твореній Св. Тихона Задонскаго).— Англійскій текстъ.— Индіанское племя Глинхитъ.— Высокій примѣръ. Извѣстія и замѣтки.— Официальный отдѣлъ.

Редакторъ Свящ. А. Хотовицкій.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаилъ.